

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 121**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 121 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 292 с.

ISBN 978-5-458-04769-2

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04769-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Объ общественномъ идеалѣ ¹⁾.

У.

Опыты сочетанія личнаго и общественнаго началъ путемъ ихъ гармоническаго сліянія. Нравственный объективизмъ и нравственный субъективизмъ.— Анализъ основъ нравственнаго объективизма. Ученіе Гегеля. Общественная жизнь, какъ основа и завершеніе нравственнаго прогресса. Недостаточное развитіе въ нравственномъ объективизмѣ понятія личности. Столкновеніе конкретныхъ обязанностей. Невозможность ихъ гармоническаго примиренія.— Анализъ основъ нравственнаго субъективизма. Ученіе Толстого. Личное совершенствованіе, какъ единственный правильный путь нравственнаго прогресса. Отрицаніе внѣшнихъ общественныхъ формъ во имя абсолютнаго идеала. Односторонность нравственнаго субъективизма. Положительная сторона въ ученіи Толстого.—Новѣйшіе споры по вопросу о сочетаніи личности и общности. Неясность ихъ исходныхъ положеній.—Опытъ синтеза индивидуализма и коллективизма чрезъ сведеніе ихъ къ единству абсолютнаго идеала.

3.

Разсмотрѣніе основаній абсолютнаго коллективизма и абсолютнаго индивидуализма привело насъ къ заключенію, что начала общности и личности могутъ быть правильно поняты лишь въ связи ихъ между собою и съ объективнымъ закономъ добра. Такъ подтверждается положеніе, высказанное нами ранѣе: личность и общество не представляютъ собою какихъ-то самодовлѣющихъ и противостоящихъ другъ другу субстанцій; они растутъ изъ одного корня и стремятся къ одному свѣту. Какъ образъ и путь Абсолютнаго въ исторіи, личность заключаетъ въ себѣ та-

¹⁾ Вопр. фил. и псих., кн. 119.

Вопросы философіи, кн. 121.

кія стремленія, которыя идутъ далеко за предѣлы субъективнаго сознанія и указываютъ на необходимость взаимодѣйствія лицъ въ ихъ совмѣстномъ нравственномъ творчествѣ. Общественный прогрессъ представляется такимъ образомъ органически связаннымъ съ самимъ существомъ личности: такъ осуществляется полнота личнаго сознанія, безконечность скрытыхъ въ немъ возможностей.

Но если связь личности съ обществомъ нравственно необходима и неизбежна, нельзя ли сдѣлать отсюда и дальнѣйшій выводъ о возможности полнаго согласованія личнаго начала съ общественнымъ? Исходя изъ одного корня и стремясь къ одной цѣли, не представляютъ ли общественный прогрессъ и личное совершенствованіе только двѣ стороны одного и того же явленія, по существу совпадающія между собою и стремящіяся къ постоянной гармоніи? Нельзя ли сказать, какъ говорилъ Влад. Соловьевъ, что „общество есть дополненная или расширенная личность, а личность—сжатое или сосредоточенное общество?“¹⁾ Или же это начала, находящія примиреніе не въ тождествѣ своихъ путей, не въ возможности гармоническаго сліянія, а въ стремленіи къ высшему единству абсолютнаго идеала? Такова дальнѣйшая проблема, вытекающая изъ общаго вопроса о сочетаніи индивидуализма и коллективизма. То или иное рѣшеніе этой проблемы имѣетъ самое существенное значеніе для построенія общественного идеала. Въ первомъ случаѣ, если допустить возможность гармоническаго сліянія личности съ обществомъ въ конкретныхъ историческихъ формахъ, слѣдовало бы вернуться къ старымъ идеямъ о незыблемой общественной гармоніи, какъ цѣли общественнаго прогресса. Во второмъ случаѣ, когда совпаденіе личности съ обществомъ относится въ безконечность, къ полнотѣ абсолютнаго идеала, становится очевиднымъ, что личное и общественное развитіе не могутъ придти въ прочную гармонію,

¹⁾ Влад. Соловьевъ, Полное собраніе сочиненій, Т. VII, стр. 216. Первое изд. Оправданіе добра.

что въ предѣлахъ историческаго процесса между ними возможно лишь временное и неполное примиреніе. Тогда во главу угла ставится не общественная гармонія, а личная свобода, не законченное совершенство, а безконечное развитіе; идеальное же единство общенія утверждается не на идеѣ принудительнаго и неизмѣннаго равновѣсія общей жизни, а на принципѣ свободнаго и подвижнаго взаимодѣйствія лицъ. При этомъ возрѣніи общественный прогрессъ представляется, какъ неотъемлемая часть нравственнаго призванія личности, но только часть, и притомъ такая, которая въ конкретныхъ формахъ своего осуществленія можетъ вступать въ противорѣчіе съ основой нравственной жизни. Формула отношенія, которое съ точки зрѣнія нравственнаго идеала устанавливается между личностью и обществомъ, отличается такимъ образомъ величайшей сложностью. Но для того, чтобы вполне выяснитъ эту сложность и съ большей очевидностью представить правильность такого сложнаго рѣшенія, разберемъ предварительно тѣ другія рѣшенія, которыя исходятъ изъ противоположнаго взгляда,—изъ мысли о гармоніи личнаго начала съ общественнымъ. Отношеніе личности къ обществу тутъ упрощается, но какъ мы сейчасъ увидимъ, это упрощеніе достигается такимъ образомъ, что одно начало въ сущности приносится въ жертву другому.

Въ отличіе отъ ранѣе разобранныхъ нами направленій абсолютнаго коллективизма и абсолютнаго индивидуализма тѣ возрѣнія, которыя мы теперь собираемся разсмотрѣть, не отрываютъ нравственнаго прогресса отъ связи съ трансцендентнымъ идеаломъ. Съ другой стороны, здѣсь нѣтъ отрицанія ни личной, ни общественной стороны этого прогресса: личность приводится въ сочетаніе съ обществомъ, между ними указывается необходимая моральная связь. Способъ этого сочетанія допускаетъ цѣлый рядъ различныхъ оттѣнковъ. Но изъ всей совокупности открывающихся здѣсь возможностей мы остановимся только на двухъ крайнихъ звеньяхъ этого ряда. Въ сочетаніи личнаго

начала съ общественнымъ, очевидно, можно идти двумя противоположными путями: или отъ общества къ личности или, наоборотъ, отъ личности къ обществу. При томъ условіи, что между этими двумя началами принимается полное соотвѣтствіе, представляется возможнымъ какъ личное совершенствованіе выводить изъ общественного прогресса, такъ и общественный прогрессъ изъ личнаго совершенствованія. Въ первомъ случаѣ, когда центръ тяжести полагается въ общественныя формы, въ объективную нравственность, изъ которой выводится все остальное, мы имѣемъ дѣло съ нравственнымъ объективизмомъ. Во второмъ случаѣ, когда вся суть нравственного прогресса переносится въ субъективное сознаніе и самая общественность ставится въ исключительную зависимость отъ личнаго совершенствованія, передъ нами — система нравственного субъективизма. Къ анализу этихъ противоположныхъ направленій мысли мы и должны теперь обратиться. Въ новое время самое глубокое и послѣдовательное выраженіе этихъ направленій безспорно принадлежитъ Гегелю и Толстому. Выше этого указанные нами направленія не поднимались. При этомъ у обоихъ мыслителей чувствуется та глубина вдохновенія, которая дается проникновеннымъ переживаніемъ извѣстныхъ началъ въ ихъ связи съ жизнью.

Тотъ способъ сочетанія личности съ обществомъ, который мы находимъ у Гегеля, уже не можетъ удовлетворить современную мысль, и тѣмъ не менѣе онъ остается классическимъ образцомъ синтеза этихъ двухъ началъ въ плоскости ихъ гармоническаго сліянія. Самыя ошибки этого синтетическаго построенія въ высшей степени знаменательны: снова и снова обдумывать ихъ, доискиваться ихъ источника, уяснять связь ихъ съ общей методой Гегеля не менѣе поучительно, чѣмъ знакомиться съ цѣнными и положительными сторонами этого гениальнаго синтеза.

Къ мысли о возможности гармоническаго сліянія личности съ обществомъ Гегель пришелъ еще въ юности. Въ первоначальныхъ наброскахъ его сохранилось панегири-

ческое изображеніе греческаго государства, въ которомъ свобода гражданъ представлялась въ неразрывной гармоніи съ общими законами. Образъ этого гармоническаго общенія навсегда остался въ памяти Гегеля, и хотя потомъ онъ всячески подчеркивалъ, что въ новое время выдвигается принципъ субъективности, но идеаль его былъ всецѣло проникнутъ мыслью о сочетаніи этого принципа съ объективной нравственностью, воплощенной въ обществѣ. Эта мысль лежитъ въ основѣ его знаменитой „Философіи права“ ¹⁾.

Вполнѣ признавая за субъективной волей право самоопредѣленія, право признавать только то, что она считаетъ своимъ, Гегель полагаетъ однако, что это—принципъ чисто-формальный, лишенный опредѣленнаго содержанія и потому неизбежно требующій восполненія. Въ этомъ первомъ проявленіи своемъ въ единичной волѣ самоопредѣленіе не совпадаетъ еще съ объективно разумной основой воли, и потому представляется въ видѣ долженствованія или требованія. Изъ субъективной воли одинаково вытекаютъ какъ моральныя, такъ и антиморальныя дѣйствія. Въ этой области самоопредѣленіе является исканіемъ и дѣятельностью, которыя не могутъ придти ни къ чему опредѣленному. Только въ своемъ *общественномъ осуществленіи* нравственная воля становится *тождественной съ своей разумной основой*. То, что должно быть съ точки зрѣнія личной морали, здѣсь является *достигнутымъ* (въ видѣ учрежденій и нравовъ, въ которыхъ воплощается нравственный духъ) ²⁾. Безъ этой опоры и поддержки со стороны общественной нравственности личная мораль сводится къ пустому формализму, къ разглагольствованію о долгѣ ради долга.

¹⁾ Я излагаю здѣсь ходъ мысли Гегеля лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые указываются разбираемой нами проблемой объ отношеніи личности и общества. Болѣе подробный анализъ его ученія см. въ моей книгѣ: „Кантъ и Гегель“.

²⁾ Philosophie des Rechts, §§ 107 и 108. Ср. §§ 132, 133 ff.

То, что въ этомъ взглядѣ является замѣчательнымъ, заключается въ стремленіи понять общественную нравственность—учрежденія, нравы, законы,—какъ естественное продолженіе и завершеніе субъективнаго моральнаго стремленія. Съ гениальной проницательностью и вопреки другимъ весьма вліятельнымъ утвержденіямъ Гегель показалъ, что самоопредѣленіе лицъ, автономія воли—это только начало нравственной жизни. Для того чтобы не искать въ пустомъ пространствѣ, чтобы не витать въ воздухѣ, автономная личность должна имѣть предъ собою конкретную общественную среду: въ ея понятіяхъ и формахъ жизни она находитъ положительный фундаментъ для своего строительства. Въ этомъ рѣшеніи моральной проблемы Гегель находитъ отвѣтъ на тотъ вопросъ, который съ самаго начала привлекъ его особенное вниманіе: какъ организовать религиозно-нравственную жизнь народа, какъ обезпечить моральный прогрессъ. Одна субъективная нравственность для этого недостаточна: необходимы твердыя основы общественной организаціи, для того чтобы укрѣпить путь нравственнаго совершенствованія.

Осѣненный свѣтомъ открытой имъ истины Гегель придаетъ ей безусловный смыслъ. Связь личности съ обществомъ пріобрѣтаетъ у него характеръ высшей нравственной правды. Общественная среда представляется ему живымъ воплощеніемъ идеи добра, которая безъ этого остается абстрактной и безсильной. Чистая субъективность лишаетъ человѣка твердыхъ основъ, и у него можетъ возникнуть такое страстное стремленіе къ объективному порядку, что онъ будетъ готовъ скорѣе унизиться до полной и рабской зависимости, только бы избѣгнуть этой муки, проистекающей отъ внутренней пустоты и безсодержательности. Но, подчиняясь этому порядку, личность находитъ въ немъ свое собственное существо. Объективная нравственность не есть ничто чуждое субъекту. Создавая для него обязанности, она не ограничиваетъ, а скорѣе освобождаетъ его,—освобождаетъ отъ подчинен-

ности непосредственнымъ влеченіямъ и отъ гнета субъективной неопредѣленности. Она указываетъ ему путь къ высшей нравственной свободѣ и, воспитывая его характеръ, превращаетъ простую склонность къ добру въ постоянную добродѣтель, дѣлаетъ ее нравомъ, привычкой, второй природой ¹⁾. Вотъ почему Гегель сущность нравственнаго настроенія видитъ въ томъ, чтобы „твердо стоять на почвѣ справедливаго и воздерживаться отъ всякаго измѣненія, колебанія и умаленія его“ ²⁾. Общество пріобрѣтаетъ въ его глазахъ значеніе самостоятельной нравственной субстанции, по отношенію къ которому лица оказываются только преходящими явленіями: нравственный духъ пребываетъ въ учрежденіяхъ, которыя остаются, а не въ лицахъ, которыя преходятъ ³⁾.

Изъ всего этого видно, что въ ученіи Гегеля общественная нравственность является не только продолженіемъ и восполненіемъ личной морали, но и самымъ чистымъ, прочнымъ и безусловнымъ выраженіемъ нравственнаго стремленія. Не одно взаимоотношеніе, а гармоническое совпаденіе личности съ обществомъ представляется нашему философу высшей моральной истиной. Съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ изображаетъ онъ вѣчную правду этого гармоническаго сліянія. Мировая загадка кажется ему рѣшенной, примиреніе достигнутымъ, и съ радостнымъ спокойствіемъ философа, познавшаго тайну жизни и прозрѣвающаго будущее, онъ пишетъ свою „Философію исторіи“, эту книгу судебъ человѣчества, гдѣ начала такъ легко сходятся съ концами, гдѣ всему указано мѣсто, гдѣ роду человѣческому возвѣщается утѣшительная вѣсть о наступленіи зрѣлой поры его существованія, блаженной старости духа. Въ сліяніи съ общей субстанціей усматривается здѣсь разрѣшеніе нравственныхъ противорѣчій, ясный и прямой выходъ для личности. Глубоко проникнутый правдой этого

¹⁾ Philosophie des Rechts, §§ 142—151.

²⁾ Phänomenologie des Geistes. S. 325.

³⁾ Philosophie des Rechts, § 145.

слиянiя, какъ бы пораженный слѣдами божественнаго духа, запечатлѣнными въ исторiи, Гегель радостно и бодро созерцаетъ эти божественные пути. II кажется ему, что человекъ, этотъ благословенный избранникъ Мiрового Духа и носитель абсолютныхъ началъ, уже приближается къ безпечальному предѣлу своихъ странствiй, гдѣ нѣтъ болѣе противорѣчiй и боренiй духа съ самимъ собой. Исполненный довѣрiя къ счастливому совпадению разумной основы человѣческой воли съ законами мiра, Гегель негодуетъ „на чудовищное самопревознесение и безумное самообольщение субъекта, приходящаго въ ужасъ и отчаянiе отъ того, что онъ составляетъ одно цѣлое со вселенной, что въ немъ дѣйствуетъ вѣчная природа и что онъ не свободенъ отъ ея вѣчныхъ законовъ и ея строгой необходимости“¹⁾. Самъ онъ напротивъ въ сознанiи этого единства почерпаетъ „радость, свободу и миръ“, которые, по словамъ надгробной рѣчи, произнесенной у его могилы, онъ умѣлъ сообщать окружающимъ. Единство и совершенство мiрового плана, логичность и осмысленность всего совершающагося, вотъ что выступаетъ у Гегеля на первый планъ въ изображенiи вселенной. Трагическiя столкновенiя и противорѣчiя, непримиримая борьба частнаго съ общимъ, невѣдомые повороты и катастрофы исторiи,—все это исчезаетъ въ его оптимистической картинѣ: прямыя и ясныя линiи, свѣтлыя и солнечныя тона даютъ впечатлѣнiе не только гармоническаго, но и сияющаго образа вѣчной правды и красоты. Какъ самъ Гегель выражаетъ свое представленiе объ исторiи: понятая (надлежащимъ образомъ) исторiя образуетъ воспоминанiе и Голгоу абсолютнаго духа, дѣйствительность, истину и увѣренность его престола; безъ этого онъ оставался бы безжизненнымъ одиночествомъ; лишь изъ чаши этого царства духовъ поднимается, нѣньсь, его безконечность“²⁾.

1) Werke, Bd. I, S. 141.

2) Phänomenologie des Geistes, S. 612.

Такъ постепенно отъ „чистаго исканія и безпокойства“ субъективнаго сознанія совершается переходъ къ объективной, общественной нравственности, которая ведетъ къ престолу абсолютнаго духа. Въ этомъ восхожденіи отъ самоопредѣленія автономной воли къ сліянію съ абсолютнымъ снимается съ человѣка тягость противорѣчій и разлада, исканій и неопредѣленности; передъ нимъ открываются прямые и вѣрные пути, ясные и безоблачные горизонты.

Проблема сочетанія индивидуализма и коллективизма кажется тутъ разрѣшенной. Общественный прогрессъ поставленъ въ прямую и неразрывную связь съ задачами личности, самоопредѣленіе лицъ приведено въ сочетаніе съ общественной нравственностью, и все увѣнчано гармоніей абсолютнаго духа. Но здѣсь слѣдуетъ спросить, что имѣется въ виду въ этомъ изображеніи,—норма жизни, ея субстанціональная и вѣчная основа или историческая дѣйствительность? Въ одномъ изъ первыхъ параграфовъ „Философіи права“ Гегель самъ разъясняетъ, что діалектическую необходимость не слѣдуетъ смѣшивать съ исторической ¹⁾; и несомнѣнно та дѣйствительность, которую онъ рисуетъ ясными и гармоническими чертами, стоитъ выше обычной исторической дѣйствительности. Это не текущая жизнь съ ея противорѣчіями и столкновеніями, а ея нравственный идеальный планъ. Но именно поэтому слѣдуетъ возражать противъ того идеализированнаго изображенія общественной нравственности, которое даетъ Гегель. А между тѣмъ изъ этого изображенія вытекаетъ то неравное распредѣленіе нравственныхъ даровъ, которое онъ устанавливаетъ между личностью и обществомъ. Въ то время какъ общественная нравственность принимается за полноту нравственныхъ опредѣленій и за дѣйствительность идеальнаго стремленія, на долю личности выпадаетъ только „исканіе и безпокойство“. Между тѣмъ, если дѣйствительно конкрет-

¹⁾ См. подробности въ сочиненіи: „Кантъ и Гегель“, стр. 209—210.

ное содержаніе нравственности почерпается изъ общества, изъ историческихъ условій его развитія, и если нравственный идеаль немислимъ безъ общественнаго своего осуществленія, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы общество являлось верховной руководящей нормой для личности. Напротивъ, какъ было разъяснено выше, понятіе личности представляетъ собою основу для выведенія общественнаго идеала. Личность не есть пустая форма, изъ которой ничего нельзя вывести и къ которой все можетъ быть приурочено. Заимствуя изъ общества конкретное историческое содержаніе своего идеала, личность можетъ однако противопоставить обществу и свои собственные начала, — тѣ, которыя вытекаютъ изъ самой идеи личности. Это прежде всего то право самоопредѣленія, право быть самимъ собою, которое составляетъ самую сущность личности; это далѣе тѣ принципы равенства и свободы, которые связаны съ представленіемъ о личности, какъ абсолютной цѣнности, имѣющей безусловное нравственное значеніе. Пусть всѣ эти начала будутъ отвлеченными, но они вовсе не являются безсодержательными. Напротивъ, они-то и указываютъ *направленіе и цѣль* нравственнаго прогресса, и въ этомъ отношеніи являются творческими началами общественной жизни. Если общія учрежденія создаютъ для нравственнаго развитія лицъ соотвѣтствующую атмосферу и такимъ образомъ укрѣпляютъ дѣло нравственнаго прогресса, то руководящая цѣль этого прогресса дается понятіемъ личности, а не общества. Самъ Гегель опредѣляетъ задачу исторіи, какъ „прогрессъ въ сознаніи свободы“ ¹⁾, и какъ ни истолковывать это опредѣленіе, оно можетъ быть выведено только изъ понятія личности.

Отнимая у понятія личности всякое содержаніе, Гегель вмѣстѣ съ тѣмъ разсматриваетъ общество, какъ источникъ твердыхъ опредѣленій, которыя только и могутъ дать конкретное направленіе нравственному прогрессу. Но если

¹⁾ Philosophie der Geschichte, S. 24.